# Пусть олень возвращается в лес

Сегодня. — 1996. — 25 апр. — с. 10

## Чеховский фестиваль. «Тучи. Очаг» Эльфриды Елинек. Режиссер Йосси Вилер. «Дойчес Шаушпильхаус» (Гамбург)

**Ольга Горгома**

АЛЕКСАНДР ИВАНИШИН

Просторный бункер: никаких окон, только щель, похожая на амбразуру, массивные стены, письменные столы, шкафчики для личных вещей, телефон, радио. Порядок и основательность. В воздухе плавают облака дыма: сигарного или это дым иллюзии музейного помещения? «Мы же не выдумали это?» Шесть женщин, сбившись в тесную кучку, спускаются по темной лестнице: боязливая, робкая стайка. Вдовы и дочери тех, кто некогда обитал здесь. «Что мы ищем среди мертвых? Жизнь».

Вошедшие разбредаются по комнате, включают настольные лампы, осторожно оглядываются, рассматривают вещи, книги, бумаги. Любопытство сменяется заинтересованностью. Они собираются в круг и, сжав кулачки и стараясь придать себе уверенности и смелости, скандируют хором: мы здесь, наш дом исполнен нашей речью.

Пьеса Елинек связана с проблемой ложного национального пафоса — тенденцией, вновь ожившей в немецкой литературе. Это единый монолог, построенный (в том числе) на цитатах из Фихте, Гёльдерлина, Хайдеггера, Гегеля. Гипнотизирующий, подчиняющий сознание не логикой, а образностью, ритмом. В спектакле текст распределен между шестью персонажами, придуманными режиссером. Игра актрис представляет собой драматическую пантомиму. Ироничную, шаржевую. Женщины сбиваются в тесную группу, поют хором, по очереди взбираются на лестницу, как на трибуну, обнимаются, выстраиваются в почетном карауле, прибегают даже к коллективной гимнастике. Но каждый раз кто-то не попадает в ритм, или же чьи-то слова кажутся не вполне уместными. Размолвки, примирения. Искусственный, похожий на игру поиск форм единения. Мы, мы, мы. В родном краю хотим пустить мы корни. Путники, но мы сюда вернемся. Нам нужны только мы. Мы древний пранарод. Никто не погиб напрасно. Слова превращаются в ритуал самовнушения.

Рисунок актерской игры считывается мгновенно. И именно в сочетании с ним сложный, полный аллюзий текст из безобидного облака отвлеченной иллюзии превращается в угарную тучу, обволакивающую волю и сознание, населяя их химерами и призраками. Повторы одной и той же многократно варьируемой темы перерастают в механическую зацикленность телесных движений в сцене «превращения». Пытаясь возродить в себе дух своих мужей, женщины оказываются вместилищами их душ. Сцена, сыгранная беспощадно и натуралистично, в подчеркнутом контрасте с общим приемом, мгновенно переводит спектакль из жанра незлой пародии в жанр сатиры, где нет места разночтениям: игра состоялась и зашла слишком далеко.

Когда главная тема — национальное самосознание, непроизвольно возникает ложный комплекс: говорить с горбатым о горбе, с больным — о неизлечимости болезни. Создатели спектакля стремятся этот комплекс снять: о ложном надо говорить как о ложном. И делают это достаточно решительно, принося в жертву публицистической актуальности даже своих героинь. Мы не знаем, кто они и откуда. Что заставило их прийти в это место и почему они его не покидают, а, очнувшись от наваждения, вновь обращаются к книгам и сказкам? Почему бы им не уйти из этого мрачного подземелья к настоящим солнцу, оленям, деревьям? Но, опять же следуя жесткой логике общего замысла спектакля, они навсегда должны остаться в этом заброшенном склепе — они сами избрали свою участь.